

– нейросети *ChatGPT* или *GigaChat*, в которых можно создать наглядные схемы, таблицы, изображения и т.д. Они помогут ученику сориентироваться в сложных значениях заимствованных слов.

Таким образом, в процессе школьного изучения особенностей функционирования в современном русском языке заимствованной (английской) лексики можно использовать актуальные лексические единицы экономической сферы, относящиеся к семантическому полю «Криптобизнес». Знакомство с такой лексикой, осуществляющееся на уроке под руководством учителя с помощью различных методов и приёмов, будет не только способствовать формированию у учащихся семантической языковой компетенции и выработке навыков компонентного анализа, но и позволит обеспечить экономическую и информационную грамотность подрастающего поколения.

Список литературы

1. Белокриницкая Д.Ю., Береснева В.А. Методы формирования иноязычных лексических навыков на средней ступени обучения // Педагогический вестник. 2023. №27. С. 14-17.
2. Глоссарий терминов и жаргона криптовалют. URL: <https://coinmarketcap.com/academy/ru/glossary> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Ильющенко Н.С. К вопросу о проникновении англизмов в современный русский язык // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков: сборник научных трудов. М.: РУДН, 2015. С. 323-329.
4. Криптословарь. URL: <https://academy.emcd.io/ru/dictionary/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Новостной портал «РБК Криpto». URL: <https://www.rbc.ru/cryptos/?ysclid=m9k6zlszeg435912628> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Словарь популярных молодёжных слов современного русского языка с ударениями. Новые, модные и сленговые слова 2018 года. URL: <http://wordsonline.ru/samples/new.html> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
8. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.
9. Юдина Н.В., Калугина О.А. Компонентный анализ в исследовании семантического поля // Мир науки, культуры, образования. 2024. №3. С. 393-395.

УДК 821.161.1

РАССКАЗ М. ГОРЬКОГО «ЧЕЛКАШ» В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ИЗУЧЕНИИ (АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ)¹

О.В. Богданова

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Аннотация. Цель исследования – на материале раннего романтического рассказа М. Горького «Челкаш» рассмотреть авторские замыслы и стратегии и показать, как историческая ситуация и журнально-редакционное окружение повлияли на авторские интенции будущего основоположника социалистического реализма. Научная новизна работы состоит в том, что хрестоматийные аспекты интерпретации «нового героя» в раннем рассказе «Челкаш» представлены в стратегии *pro et contra*, показано, как по-разному соотносятся замыслы и реализация: в статье предложены новые трактовки образов вора-боязя Челкаша и крестьянина Гаврилы, воплотивших сложно-противоречивые ценностные представления

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

молодого прозаика. В ходе анализа выявлены мотивные ряды горьковского рассказа, выдержаные в аксиологических кодах фольклора (ястреб – теленок), Библии (Бог – Дьявол, Учитель и Ученик), богочестивых текстов (Матерь и Сын). Показано, как сдвигались оценочные иерархии и ориентиры молодого писателя.

Ключевые слова: Максим Горький, раннее творчество, рассказ «Челкаш», поиск «нового героя», деиерархия традиционных идеалов, текст и протекст, сюжет и подсюжеты.

M. GORKY'S SHORT STORY "CHELKASH" IN SCHOOL AND UNIVERSITY STUDIES (AUTHOR'S IDEA AND ITS IMPLEMENTATION)

O.V. Bogdanova

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky

Abstract. The purpose of the study is to examine the author's ideas and strategies based on the material of M. Gorky's early romantic short story "Chelkash" and to show how the historical situation and the journal and editorial environment influenced the author's intentions of the future founder of socialist realism. The scientific novelty of the work lies in the fact that the textbook aspects of the interpretation of the "new hero" in the early story "Chelkash" are presented in the pro et contra strategy, showing how the idea and implementation relate in different ways: the article offers new interpretations of the images of the tramp thief Chelkash and the peasant Gavrila, embodying the complexly contradictory value ideas of the young the prose writer. The analysis revealed the motivic series of Gorky's story, sustained in the axiological codes of folklore (hawk – calf), the Bible (God – Devil, Teacher and Pupil), the Mother of God texts (Mother and Son). It is shown how the evaluation hierarchies and guidelines of the young writer shifted.

Keywords: Maxim Gorky, early work, the short story "Chelkash", the search for a "new hero", the deierarchy of traditional ideals, text and protext, plot and subplots.

К настоящему моменту произведения классика социалистического реализма Максима Горького глубоко изучены, научные изыскания сложились в емкие академические тома [16, 419–432]. Между тем изменение исторической перспективы – новое и новейшее время – заставляют иначе взглянуть на восприятие и интерпретацию, кажется, хрестоматийно известных произведений писателя, найти в них ту изначальную авторскую *праоснову*, которую заслоняли политизированная советскость и уставной партийный идеологизм. Неслучайно в последние годы все чаще появляются работы, в которых современными исследователями предлагается *новый взгляд* на хорошо знакомые горьковские тексты, когда, например, в центре «школьной» пьесы «На дне» оказываются не привычная этическая дилемма «Что выше: истина или сострадание?», но открываются непознанные глубины горьковской философской триады: платонизм (ночлежники) → христианство (Лука) → Ницшеанство (Пепел и Сатин) [3, 5, 12, 19 и др.]. В «Старухе Изергиль» образы Ларры и Данко интерпретируются не как антитетично противопоставленные и непримиримые (традиционный взгляд), но как сопоставимо уподобленные отражения философии Ницше (животное – человек – сверхчеловек), где каждая из новелл триптиха дополнена собственно-горьковским пониманием гуманизма [4, 511–532]. Другими словами, споры – *pro et contra* – вокруг научно отрефлексированных интерпретаций произведений Горького не только не утихают, но и разгораются с новой силой [см. 14, 15].

В этом плане весьма любопытно взглянуть, кажется, на детально проанализированный критикой рассказ Максима Горького «Челкаш» и попытаться разглядеть (по сути идентифицировать) его *исходную* идеино-смысловую установку, не деформированную общественной потребностью и последующим согласительством автора, внесившим в рассказ неоднократную образно-стилевую (и, как следствие, координационную) правку.

Рассказ «Челкаш», написанный в 1894 году и опубликованный в «Русском богатстве» с подзаголовком «Эпизод» в 1895 году [9], был восторженно принят редактором журнала В.Г. Короленко, критикой и читателями. Фактически с момента публикации рассказа (с некоторыми оговорками) в его восприятии и интерпретации сложилась устойчивая традиция. Смысл рассказа прочно увязывался с изображением Горьким образа отчаянно смелого и гордого воробоя Челкаша и сниженного образа крестьянина Гаврилы, жадного до денег и способного ради них на убийство. Действительно, о «явной симпатии к бояжу» и об «унижении мужика» сразу заговорили современники Горького – Н.К. Михайловский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин и др. Этот ракурс восприятия был унаследован и советской критикой (работы Б.А. Бялика, С.В. Касторского, И.К. Кузьмичева, Ф.Ф. Кузнецова, К.Д. Муратовой, Б.В. Михайловского, А.И. Овчаренко, Л.К. Оляндэр, Е.Б. Тагера, А.А. Тарасовой, В.А. Ханова и др.). По словам В.К. Кантора, в горьковском тексте со всей очевидностью «сюжет прост, акценты расставлены с самого начала»: «босяки <...> изображены Горьким в приподнятом шиллеровском духе – как носители благородства» [13, 296, 303].

Кажется, трудно что-либо возразить устойчиво сложившейся и привычной со школьных лет интерпретации, однако попытаемся внимательнее взглянуться в текст рассказа и обнаружить ранее неактуализированные ракурсы.

В центре горьковского повествования действительно два героя – Гришка Челкаш и Гаврила.

Портретная характеристика заглавного персонажа Челкаша выдержана строго, прозаик придерживается ее в продолжении всего рассказа.

Гришка Челкаш – «старый травленый волк, хорошо знакомый гаванскому люду, заядлый пьяница и ловкий, смелый вор. <...> Длинный, костлявый, немного сутулый, он медленно шагал по камням и, поводя своим горбатым, хищным носом, кидал вокруг себя острые взгляды, поблескивая холодными серыми глазами и высматривая кого-то среди грузчиков. <...> Даже и здесь, среди сотен таких же, как он, резких босяцких фигур, он сразу обращал на себя внимание своим сходством с степным ястребом, своей хищной худобой и этой прицеливающейся походкой, плавной и покойной с виду, но внутренне возбужденной и зоркой, как лет той хищной птицы, которую он напоминал» [11, 9].

Уже в первом описании героя Горький несколько раз повторяет эпитеты «костлявый», «сухой», «грязный», но чаще других – «хищный» (только в одном абзаце 4 раза), причем эпитет будет амплифицирован далее по тексту во

множестве вариативных словосочетаний: «хищное лицо», «хищный нос», «хищный горбатый нос», «хищная худоба», «хищная птица» и др.

Едва ли не каждый критик, обращаясь к анализу текста, апеллирует к цитатному портрету героя и репрезентирует это «*птичье*» описание Челкаша. Причем всякий раз характеристике вора-бояка присваивается аксиологически позитивный смысл – сравнение персонажа с ястребом ассоциировано с небом, свободой, силой, гордостью.

Однако если безынерционно воспринять портрет героя, сравниваемого с хищным ястребом (вспомним традицию русской литературы и русского фольклора, от которых, несомненно, отталкивался ранний Горький), то образ персонажа прочитывается несколько в иной плоскости. Челкаш – ястреб, хищник, с «зорким» и «острым взглядом», с «холодными серыми глазами», даже в движениях (походке) «прицеливающийся» к охоте, готовый к нападению на кого-либо или что-либо [11, 10–11 и др.].

Хищническая сущность героя усиливается другим сравнением: Челкаш – «старый травленый волк» [11, 8], его руки – «волчьи лапы» [11, 19], он «поволчьи скалил зубы» [11, 37].

В финальных эпизодах еще один зооморфный образ индексирует личность вора-бояка – образ змеи: «...рука Челкашазмеей обвилась вокруг него [тела Гаврилы] <...>» [11, 38].

Вряд ли портрет с насыщенным *ястребино-волчьи-змеиным* кодом может быть квалифицирован однозначно и приложим к герою, выражающему позитивную программу автора. Все выразительные средства выдают пугающе-негативную сущность «драного» персонажа с «ястребиными очами». Однако критика находит твердое объяснение: Горький обращен к «интеллектуальному прославлению разбойничьей воли» [13, 298]. Привычно думать, что это именно так.

Что касается образа Гаврилы, то и здесь критика единодушна и солидарна. Исследователями априорно высказывается суждение о том, что Горький никогда не любил крестьян [напр., 13, 295], а в связи с образом Гаврилы речь неизменно заходит о герое «от сохи», жадном и примитивном. «*Душегуб*» Гаврила «недоверчив, подозрителен и жаден до денег – за “пятитку” душу продаст» [1, 91]. «...парень от земли, здоровый, но абсолютно без всякой рефлексии и нравственных устоев, мечтающий только о своем хозяйстве, *безлюбий*, ибо невеста его лишь ход к богатому тестю» (?) [13, 296].

Между тем портретная характеристика, которую дает Гавриле в тексте рассказа Горький, допускает и иные коннотации.

Гаврила – «молодой парень в синей пестрядинной рубахе, в таких же штанах, в лаптях и в оборванном рыжем картузе. Около него лежала маленькая котомка и коса без черенка, обернутая в жгут из соломы, аккуратно перекрученный веревочкой. Парень был широкоплеч, коренаст, русый, с загорелым и обветренным лицом и с большими голубыми глазами, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно» [11, 12].

Никаких птичье-звериных детерминант в чертах героя нет, наоборот, в портрете «здорового, добродушного парня» подчеркнуто выделены *большие голубые глаза и доверчивый добродушный взгляд*. В другой раз глаза Гаврилы будут названы «ребячими светлыми» [11, 13]. Внешнему облику грязного «оборванца» Челкаша противопоставлены чистая пестрядинная рубаха и штаны Гаврилы, аккуратно прибранный черенок косы как знак трудовой родословной персонажа, примета его недавнего участия в «косовице».

Поведение при первой встрече героев разнится: Гаврила доверчив и добродушен («Чудак, говоришь будто правду, а я слушаю да верю...» [11, 14]), он дружелюбно подсаживается поближе к Челкашу. Челкаш же «оскалил зубы (подобно волку. – О. Б.), высунул язык и, сделав страшную рожу», «вытаращил глаза» [11, 12].

Наивность Гаврилы не имеет предела. Задавая Челкашу вопрос о роде его занятий, Гаврила предполагает за ним ремесленную стать: «Сапожник, что ли? Али портной?...» [11, 14]. А получив ответ: «Рыбак я...» [11, 14] – Гаврила верит безраздельно и доверчиво соглашается наняться грести лодку во время ожидаемой ночной рыбалки («Грести будешь...» [11, 16]).

Можно предположить, что Горький сознательно позиционирует героев изначально так, чтобы в finale кардинально изменить оценочную шкалу. Однако неангажированный взгляд следует задержать на одном важном факте – на расстановке персонажей, парных и антитетичных, что характерно для раннего Горького. Критика, как правило, говорит о том, что в рассказе противопоставлены образы бояка и крестьянина, представителей социально дифференцированных слоев общества рубежа XIX–XX веков. Между тем в ходе погружения в текст можно понять, что Горький в рассказе изображает *двух крестьян*, один из которых отошел от крестьянства, а другой находится на перепутье – то ли станет таким, как Челкаш (возможный вариант), то ли останется собой, сохранит связь с землей, деревней, семьей. И хотя Горький выводит на первый (титульный) план *бывшего* крестьянина Челкаша, который отошел от «почвы», но писатель многократно напоминает о родословной героя, заставляет персонажа не раз мысленно вернуться памятью к крестьянским корням [11, 15, 18 и др.].

Итак, как оказывается, в рассказе оба героя – крестьяне (Е. Болдырева характеризует героев как «городского» и «крестьянина» [см. 6]; еще более радикален Д. Быков [см. 7]). Это знание наводит на мысль о проектируемом автором подобии и сходстве двух персонажей. Парность героев обретает иной контент, иную векторность – персонажи предстают не *противопоставленными*, но *сопоставленными*. Герои по существу уравниваются, в тексте эксплицируется мотив соотнесенности – мотив «места» одного и другого персонажа.

Можно заметить, что в ходе наррации герои действительно несколько раз меняются местами. Самый простой пример – когда герои дважды пересаживаются в лодке, *меняются местами*, оказываясь на деле. «Гаврила машинально переменил место...» [11, 28] – «Они опять переменились местами...» [11, 31].

Однако только этой – видимой – переменой «уравнивание» героев не ограничивается. Как ни странно, в ходе повествования герои несколько раз слово в слово повторяют одни и те же мысли, словно «перемениваются» ими, озвучивая свои жизненные наблюдения, близкие до тавтологичности (например, о свободе [11, 14, 30], о крестьянской жизни и др.). Герои словно бы меняются местами, высказывая близкую и понятную им мысль, явно передуманную и перечувствованную каждым, нечуждую обоим. Даже желание ударить, убить, утопить – как ни странно, взаимно в героях рассказа [11, 16, 22].

Персонажи уравниваются до обобщения. Неслучайно в тексте (кажется, неброско) звучат комментарии повествователя: «Двоे людēй мечтали, покачиваясь на воде и задумчиво поглядывая вокруг себя...» [11, 30], «Два человека помолчали» [11, 40], «И на пустынном берегу моря не осталось ничего в воспоминание о маленькой драме, разыгравшейся между двумя людьми» [11, 41] и др.

Известно тяготение Горького к обобщающим символическим понятиям, в том числе *человек*: очерк «Человек» (1903), рассказ «Рождение человека» (1912), позже «Наш человек», «Легкий человек», «Чужие люди» и др. И в «эпизоде» «Челкаш» Горький размышляет о людях, о человеке вообще, не столько о бояке Челкаше, свободолюбивом отчаянном воре, сколько о двух крестьянах (людях) с разной судьбой. Гаврила «пошел берегом в сторону, противоположную той, где скрылся Челкаш...» [11, 40]. На наш взгляд, именно таковой и была первоначальная – исходная – интенция Горького, когда он приступал к созданию рассказа, не опоэтизировать Челкаша, но поразмышлять о маленькой драме, разыгравшейся между (двумя) людьми.

Однако рассказ назван все-таки «Челкаш». Остается вопрос: намеревался ли Горький делать Челкаша *главным и героем?* Какова аксиология, формировавшая образ бояка?

Даже не-очень-внимательное прочтение рассказа позволяет заметить, что наряду с уже отмеченными зоообразами, портретирующими заглавного героя, Горький при характеристике персонажей широко использует символику иного уровня – религиозную, опирающуюся, с одной стороны, на *расхожие* речевые обороты, с другой – на маркированные (в большей или меньшей степени) в православном русском сознании обрядово-разговорные словоформы. Речь о том, что с первых строк в повествовании о Челкаше Горьким устойчиво выделяется мотив сквозного веселья, насмешливости, даже лицедейства, присущих персонажу. «...он, всегда веселый и едкий...» [11, 10]. «...шел медленно, отпуская направо и налево колкие смешки и шутки...» [11, 11].

К подобной характеристике героя-бояка можно было бы отнести нейтрально, если не помнить, что мотив смеха в русской фольклорной и литературной традиции прочно связан с образами черта, дьявола, беса, напрямую *инферидален*. У Горького в речи Челкаша настойчиво звучат междометные слова с корнем *черт-*: «Пошел к черту!» [11, 9], «Тише, черт!» [11, 23], «...черт тебя возьми!...» [11, 27], «Кислый черт!...» [11, 27], «Погубишь, черт, и себя и меня!» [11, 27], «Ишь черт занес!...» [11, 32], «Теперь только у чертей между глаз

проплыть...» [11, 25], «Ну, дьявол, греби же!...» [11, 22], «Спят, что ли, черти?..» [11, 32], «Спускай трап, копченый дьявол!» [1132] и мн. др.¹ Напомним, что в начале повествования и самого Челкаша таможенный сторож именует «дьяволом костлявым» [11, 11].

Между тем образ Гаврилы, наоборот, связан с иной ипостасью. Речь персонажа пронизана оборотами, славящими Бога, взывающими к Его защите, к имени Богородицы. «Слава Богу...» [11, 15], «Господи...» [11, 16], «Господи!» [11, 22, 23], «Господи благослови...» [11, 20], «Христом прошу...» [11, 22], «...вспомни Бога...» [11, 22], «Пусти для Бога!..» [11, 22], «Богородице... дево...» [11, 22] и мн. др. Гаврила – крестьянин (= христианин), потому вся его речь ориентирована на божественно-организованную сущность мироздания и веру в богородичную защиту («шепчет молитву» [11, 22]; «перекрестился» [11, 40] и др.).

Простой вопрос Челкаша: «Теперь куда ж ты?» [11, 15] – не вызывает у Гаврилы сомнения: «Да ведь – куда? известно, домой» [11, 15]. Но шутливое замечание боязка: «Ну, брат, мне это неизвестно, может, ты в Турцию собрался...» – порождает в свою очередь *серьезную иронию* крестьянина: «В Турцию!.. – протянул парень. – Кто ж это туда ходит из православных? Сказал тоже!..» [11, 15]. Если в речи Челкаша ни единожды не упоминается Бог², то крестьянская жизнь Гаврилы освещена законами и устоями народно-православного мировосприятия.

Более того, дьявольское начало в образе Челкаша акцентировано функцией-ролью *искусителя*, которая возлагается на персонажа. Мотив искушения сюжетно моделируется повествователем и – весьма осознанно – действиями и поведением героя Челкаша.

На ролевую функцию Челкаша указывает сам автор. В начале рассказа, в сцене сговора Гаврилы наняться гребцом, Горький так и характеризует поведение героя: «Челкаш вошел в роль...» [11, 17]. И вскоре – после посещения трактира – снова комментарий повествователя: «И они пошли по улице рядом друг с другом, Челкаш – с важной *миной хозяина*, покручивая усы...» [11, 17].

Отправившись на дело, неглупый и едва проторезевший Гаврила скоро догадывается об опасности и преступности операции и упрекает Челкаша в обмане: «Как ты это, брат, обошел меня? а? Грешно тебе!.. Душу ведь губишь!.. Ну, дела-а...» [11, 22]. Что же до Челкаша, то он «наслаждался и страхом Гаврилы, и тем, что *вот какой он*, Челкаш, грозный человек» [11, 22].

Искус, который на уровне денежного вознаграждения осуществляет Челкаш, осуществляется в рамках тернарной градации. Вначале плата за греблю установлена в пять рублей («Пятитку можешь получить» [11, 17]), позже – в 25

¹ Надо отметить, что в речи Гаврилы тоже мелькнет однажды дьявол («тесь-дьявол»), однако эта характеристика явно не свойственна речи богобоязненного героя.

² Фраза Челкаша «Ей-богу, хватит, Семеныч!» [11, 11] в обращении к таможенному сторожу скорее может быть расценена как недосмотр автора, чем намерение наделить героя религиозным сознанием. Столь же сомнительно и чертыханье богобоязненного Гаврилы: «Лошадь? Она и есть, да сильно стара, *черт*!» [11, 29] – едва ли возможно допустить подобное выражение в речи наивного крестьянского парня.

рублей («Четвертной билет хочешь получить? а?» [11, 28]), еще позднее – в сорок рублей («Сорок отделяю! а? Доволен?» [11, 35]). Прогрессия залога искушения семантически значима.

После удачной кражи Челкаш заводит разговор с Гаврилой о полученных пятистах сорока рублях, но, только начав, тут же уходит от темы. Гаврила хочет подробностей, но замечает: «Челкаш *не собирается начать* [продолжать] *разговора*» [11, 34]. Челкаш словно бы ждет чего-то, «с *насмешливой улыбкой*» [11, 35] поглядывая на паренька. Он словно испытывает Гаврилу: «...весь он имел вид человека, задумавшего нечто весьма приятное для себя и неожиданное для Гаврилы. Засунув руку в карман, он *шелестел там бумажками*» [11, 36]. Поведение Челкаша поистине *искусительно*.

Позднее поведенческий импульс героя разъясняется в сюжете. Оказывается, что Челкаш намеревался «больше» вознаградить Гаврилу-крестьянина, дать ему денег на поддержание хозяйства. «Сам я хотел тебе больше дать. Разжалобился вчера я, вспомнил деревню... Подумал: дай помогу парню. Ждал я, что ты сделаешь, попросишь – нет?» [11, 37]. Однако доброе намерение облечено в форму искушения – ждал, «что ты сделаешь», «ждал, чем оно разразится» [11, 36]. Наивный, молодой, неопытный Гаврила не выдержал, не устоял, не прошел испытания, которое замыслил вор-босяк, бывший крестьянин. Гаврила *бросил камень*.

Горькому достает психологической реалистичности: герой-крестьянин едва не убил хищного ястреба, волка, змея-искусителя, но не выкрал из кармана беспомощного Челкаша деньги. «Деньги взял? – сквозь зубы процидил он [Челкаш]» [11, 39], герой уверен, что именно так и должен был поступить Гаврила. Однако: «Не брал я их, брат! Не надо мне!.. беда от них!..» [11, 39]. В итоге Челкаш сам угрозами заставляет Гаврилу взять «радужные бумажки».

Общепринятая традиционная трактовка рассказа Горького ориентирует в описанном finale увидеть силу и свободу Челкаша и жадность и ничтожность Гаврилы [1, 2, 18, 19 и др.]. Однако, на наш взгляд, либо Горький не сумел жизнеподобно раскрыть характеры выведенных им героев, либо существующий канонический текст содержит в себе «реликты» неосуществленного (пра)замысла, где все симпатии были явно на стороне светлоглазого добродушного «теленка» Гаврилы, а не хищника-ястреба и змея-искусителя Челкаша.

Между тем Горький пишет такой многоплановый текст, что в его разновекторной интерпретации обнаруживается еще одна весьма важная ментальная составляющая – почти библейский ракурс почти библейского эпизода.

Возвращаясь к началу наррации, вспомним, как Челкаш знакомится с деревенским парнем. На вопрос Гаврилы «Сапожник, что ли? Али портной?..», Челкаш раздумчиво отвечает: «Я-то? – переспросил Челкаш и, подумав, сказал: – Рыбак я...» [11, 14].

Само построение диалога и ответ Челкаша подводят к мысли о потаенном значении слов героя, об их символико-метафорической и понятийно-смысловой

нагруженности. Раздумчивое упоминание рыбака ассоциативно пробуждает библейский «эпизод» встречи Христа и его первых учеников – рыбаков, ловцов людей. В Евангелиях повествуется об обращении Христа к первым ученикам-рыбакам: «Он сказал им: “Следуйте за мной, и я сделаю вас ловцами людей”» (Мтф. 4: 19). Библейский сюжет с осторожностью проецируется на горьковский текст.

Если дьявольски-искусительная ипостась в рассказе Горького сродни Челкашу, то библейская мотивика скорее органична образной зоне богообязненного Гаврилы. С одной стороны, Гавриле действительно предписан в рассказе удел ученика, по молодости и неопытности во всем принужденного слушать(ся) Челкаша. С другой стороны, имя сигнализирует об особом предназначении судьбы персонажа. В сцене знакомства герой представляется: «А как тебя звать? – спросил Челкаш. – Гаврилом! – ответил парень» [11, 17]. Форма имени героя – не простонародная *Гаврила*, а почти-библейская *Гаври(и)л* – актуализирует родственность персонажа архангельскому чину, привнося тонкие библейские коннотации в образ добродушного светлоглазого крестьянина-христианина.

В контексте ранее прослеженного *уравнивания* персонажей возникает предположение о столкновении в тексте горьковского рассказа представителей воинства Божьего и дьявольского. В повествовании о рыбаке противостоят друг другу не конкретные личности Челкаш и Гаврила, не социальные типы бояка и крестьянина, а символические воины надмирных сил. В этой плоскости отчетливо проясняется появление в повествовании эпизода с огненным мечом. «Впереди лодки, далеко на горизонте, из черной воды моря поднялся огромный *огненно-голубой меч*, поднялся, рассек тьму ночи, скользнул своим острием по тучам в небе и лег на грудь моря широкой, голубой полосой. Он лег, и в полосу его сияния из мрака выплыли невидимые до той поры суда, черные, молчаливые, обвешенные пышнойочной мглой. Казалось, они долго были на дне моря, увлеченные туда могучей силой бури, и вот теперь поднялись оттуда по велению *огненного меча*, рожденного морем, – поднялись, чтобы посмотреть на небо и на все, что поверх воды... Их такелаж обнимал собой мачты и казался цепкими водорослями, поднявшимися со дна вместе с этими черными гигантами, опутанными их сетью. И он опять поднялся кверху из глубин моря, этот *страшный голубой меч*, поднялся, сверкая, снова рассек ночь и снова лег уже в другом направлении» [11, 26–27].

Бифокальность эпизода отчетливо явлена. В отличие от опытного контрабандиста Челкашабогопослушный крестьянин Гаврила не видел прежде сигнального луча патрульного катера, для него он не достижение современной цивилизации, не электрический луч света, но карающий огненный меч архангела Михаила. Догадываясь о преступности затеянного дела, Гаврила готов распознать и по-своему истолковать небесный знак – как предупреждение о неизбежном наказании свыше. Нота архангельского чина в имени *Гаврил* получает символико-смысловую поддержку в образе огненного меча

бibleйского архангела Михаила. Троекратность упоминания в одном абзаце огненно-голубого меча поддерживает символический смысл увиденного героем.

В контексте всего повествования библейский (под)сюжет получает у Горького свое разрешение. Когда на событийном уровне «рыбалка» заканчивается и герои благополучно засыпают в трюме греческого судна, на уровне библейской истории в тексте звучит фраза повествователя, мало связанная с изображаемым пейзажем («Барка тихо покачивалась на игравшей воде, где-то поскрипывало дерево жалобным звуком, дождь мягко сыпался на палубу, и плескались волны о борта...» [11, 33]), но подводящая итог событиям дня, связанным с перипетиями персонажа, помнящего «свою мать и все то далекое, родное, ради чего он ходил на работу, ради чего так измучился в эту ночь» [11, 29]. «Все было грустно и звучало, как колыбельная песнь матери, не имеющей надежд на счастье своего сына...» [11, 33]. «Безличностная» фраза нарратора словно бы растворяется в ночном пейзаже, она встроена в текст почти безакцентно, но звучит символически. Сакральная матрица пропускает сквозь нейтрально-пейзажный пласт. Моление Гаврилы «Богородице... дево...» [11, 22] словно бы отзывается в печальных ответных словах матери-девы (матери-природы), указывая на неприятие ею того пути, на который встал ее – божий – сын.

Вряд ли такого рода семантически значимая фраза могла появиться в тексте рассказа, не будучи осознаваемой прозаиком. Ее дешифрующая роль очевидна. Введением библейского подтекста Горький отчетливо обозначил аксиологические акценты, в координатах которых он позиционировал и идентифицировал героев, со всей очевидностью выводя на передний план не Челкаша, но Гаврилу.

Тогда возникает вопрос: каким образом не-герой Челкаш оказывается в титульной позиции рассказа, почему именно вор-босяк на многие десятилетия встал в центр пристально-восхищенного внимания читателей, критики, литературоведов?

Понятно, что причин тому несколько – среди них как объективные, так и субъективные. Прежде всего их следует искать в объективности исторической ситуации, в назревшей общественной потребности поиска *новых героев*, в том числе уже представленных читающей публике и самим Горьким – его герои-*(пред)ницшеанцы* из «Макара Чудры» или Ларра и Данко из «Старухи Изергили». К моменту создания рассказа «Челкаш» от Горького уже ждали новых героев, хотя сам прозаик на тот момент (как видно из текста «Челкаша») еще находился в ситуации поиска, оставался пока на распутье.

Однако субъективные обстоятельства, среди которых могут оказаться как (1) рекомендации опытных писателей и критиков, наставления представителей литературной элиты того времени (в том числе В.Г. Короленко), так (2) и собственное личностное желание быть скорее опубликованным и принятym читающей общественностью, заставляли начинаящего писателя Горького поддаваться чужому (и, может быть, чуждому) влиянию и править текст, а вместе с ним корректировать и радикализировать собственные ментально-нравственные приоритеты. Правка рассказа (далеко не стилевая) [17], его варианты [см. 10]

свидетельствуют о сущностной деформации первоначального замысла, о новых ракурсах и акцентах, чуждых и противоречащих исходной интенции автора, дающих о себе знать в каноническом сегодня – академически хрестоматийном – тексте «Челкаша».

Отказываясь от апологетики «буревестника революции» (заметим, не ястремба революции), следует признать, что третья (III) заключительная часть рассказа выдает семантическую перекодировку исходного текста, она демонстрирует психологическую слабость характерологии героев в этой части, свидетельствует о явной тенденциозности заключительного «эпизода», недостоверности (на этом этапе) образа Гаврилы, деструктурируемого противоречиями между созданным писателем в ходе наррации типом крестьянина-христианина и искусственным сведением его в финале до образа ничтожного и жадного убийцы, готового на преступление ради наживы. Финальная часть рассказа с доминантой босяцкой философии и утверждением лидерства хищника-вора не органична проблемному полю художественно прописанной и поэтически аксиологизированной человеческой ситуации, осененной символическими проекциями библейско-религиозной мотивики и пронизанной устойчиво-маркированной образностью русского фольклора.

Вряд ли конечная акцентология, приданная Горьким рассказу «Челкаш», может быть в итоге поколеблена или отвергнута. Авторское намерение нельзя не уважать. Однако проведенный текстуальный анализ показал, что рассказ «Челкаш» не так идеино и образно прямолинеен, как казалось прежде. Он остается ярким примером внутренних творческих противоречий иисканий, которые переживал начинающий талантливый писатель на рубеже XIX–XX веков. Уже зрелый Горький писал: «Вообще русский бояк – явление более страшное, чем мне удалось сказать...» [8, 48]. Для формирования в современном школьнике или студенте живого интереса к русской литературе, несомненно, важно показать динамику трансформации первоначального замысла автора при создании, казалось бы, «простого» хрестоматийного рассказа.

Список литературы

1. Адыева Н.И., Климова Т.Ю. Реализация образа «сверхчеловека» в ранних реалистических рассказах М. Горького // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 2. С. 88-98.
2. Беляев Д.А. Идея сверхчеловека в творчестве М. Горького: рецепция ницшеанского Übermensch // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 135-139.
3. Богданова О.В. «На дне» М. Горького: новый ракурс // Звезда. 2016. № 10. С. 271-284.
4. Богданова О.В. Морфология сказки М. Горького «Старуха Изергиль» // Богданова О.В. Русская литература XIX – начала XX века. Традиция и современная интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 511-532.
5. Богданова О.В. Философия Человека в пьесе М. Горького «На дне» // Журнал Сибирского Федерального ун-та. Сер. 9. Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 1089-1100.
6. Болдырева Е.М. Философия боячества в раннем творчестве М. Горького // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 322-329.
7. Быков Д. А был ли Горький? М.: Астрель, 2008. 50 с.
8. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 3. Рассказы. 1896–1899. 532 с.
9. Горький М. Челкаш. Эпизод // Русское богатство. 1895. № 6. С. 5-35.

10. Горький А.М. Полн. собр. соч. Варианты к художественным произведениям. М.: Наука, 1974. Т. 1. Варианты к томам I–V. 1885–1907. С. 129–145.
11. Горький А.М. Челкаш // Горький А.М. Полн. собр. соч. Худож. произв.: в 25 т. М.: Наука, 1969. Т. 2. С. 7–41.
12. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 550 с.
13. Кантор В.К. «Челкаш» М. Горького: рождение боязка как победителя русской культуры // Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения: по мат-лам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института.

УДК 811.161.1

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ В ШКОЛЕ

Е.И. Бударагина

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Е.А. Степанова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация. В статье анализируются проблемы изучения фразеологии в школе на примере современных УМК. Выявлены ключевые недостатки: сухость изложения, ограниченность теоретического раздела, отсутствие актуальных примеров. Авторы статьи предлагают пути совершенствования методики преподавания с учётом возрастных особенностей учащихся и современной речевой ситуации.

Ключевые слова: фразеология, методика преподавания, русский язык.

PROBLEMS OF STUDYING PHRASEOLOGY AT SCHOOL

E.I. Budaragina

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

E.A. Stepanova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the problems of studying phraseology at school using the example of modern teaching methods. The key disadvantages are revealed: fragmented presentation of the material, lack of a clear distinction between phraseological units and aphorisms, insufficient attention to the figurative meaning and sources of stable expressions. The author suggests ways to improve teaching methods, taking into account the age characteristics of students.

Keywords: phraseology, teaching methods, Russian.

Богатство языка определяется не только лексическим запасом и грамматической гибкостью, но и разнообразием его фразеологии. В связи с этим встает вопрос о важности изучения идиом в школе. Ввиду малой изученности этого направления многие учителя сталкиваются с проблемами подачи и объяснения материала.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, различиями подходов школьных учебников по русскому языку. Во-вторых, малым количеством учебных часов, предусмотренных рабочей программой для изучения данного раздела. В-третьих, «плавающими границами» фразеологического фонда. Он постоянно обновляется и находится в тесном контакте с культурой и обществом, из-за чего многие материалы